

ТРАНСФОРМАЦИЯ НЕМЕЦКОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ В ТВОРЧЕСТВЕ АВТОРОВ «ГРУППЫ 47»: ОТ ЗАБВЕНИЯ К ПРОРАБОТКЕ ПРОШЛОГО

УДК 316.7:821.112.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-46-56>

К. А. Мясникова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
e-mail: kiramyasnikova@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются ключевые характеристики послевоенной западногерманской культуры памяти (*Erinnerungskultur*) и их проявления в немецкой культуре 1950-х годов на примере творчества авторов литературного объединения «Группа 47», пытавшихся критически осмыслить национальное прошлое страны. Вторая мировая война, память о которой является ядром немецкой культуры памяти, как на современном этапе, так и в исторической перспективе, рассматривается как культурная травма немецкого общества, преимущественной реакцией на которую в 1950-е годы оказалось забвение. На примере работ Ильзе Айхингер и Ингеборг Бахман, ведущих участниц «Группы 47», демонстрируется, как господствующее в обществе 1950-х годов забвение и порожденное им коллективное умолчание, память «жертв» и жертвенный нарратив, а также продолжавшаяся дискуссия о коллективной и индивидуальной вине и ответственности немецкого народа начали переосмыляться в творчестве авторов литературного объединения. На основе проведенного анализа были определены стратегии критики западногерманской культуры памяти 1950-х годов в творчестве И. Айхингер и И. Бахман, повлиявшие на дальнейшую трансформацию культуры памяти.

Ключевые слова: культура памяти 1950-х годов, забвение, «коллективное умолчание», память жертв, жертвенный нарратив, коллективная вина, коллективная ответственность, «Группа 47», Ильзе Айхингер, Ингеборг Бахман.

Для цитирования: Мясникова К. А. Трансформация немецкой послевоенной культуры памяти в творчестве авторов «Группы 47»: от забвения к проработке прошлого // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №4 (114). С. 46–56. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-46-56>

МЯСНИКОВА КИРА АЛЕКСАНДРОВНА – преподаватель кафедры управления культурной политикой, Институт государственной службы и управления, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; аспирант кафедры немецкого языка и культуры, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

MYASNIKOVA KIRA ALEXANDROVNA – Lecturer at the Department of Cultural Policy Management, Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Postgraduate student at the Department of Germanic Languages and Cultures, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University named after M. V. Lomonosov

© Мясникова К. А., 2023

TRANSFORMATION OF THE POSTWAR WEST GERMAN MEMORY CULTURE IN THE WORKS OF “GROUP 47” MEMBERS: FROM FORGETTING TO WORKING THROUGH THE PAST

Kira A. Myasnikova

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation
e-mail: kiramysnikova@gmail.com

Abstract: The article examines key features of post-war West German memory culture (Erinnerungskultur) and their manifestations in the 1950s German culture. We have taken example of the West German literary association “Group 47” as its authors sought to critically comprehend and reflect on the national past in their works. Memories of the Second World War have been at the core of German memory culture and have created the most prominent cultural trauma for the German society in the 20th century. In the 1950s West Germany the predominant response to the cultural trauma of the past turned out to be forgetting. By analyzing the works of Ilse Aichinger and Ingeborg Bachmann, who were distinguished members of the “Group 47” in the 1950s, the study reveals how this literary association initiated a reevaluation of the predominant strategies of the 1950s memory culture, such as forgetting, collective silence, memory of “victims” and sacrificial narrative, notions of collective and individual guilt and responsibility. Consequently, the article identifies the critique strategies employed by Ilse Aichinger and Ingeborg Bachmann towards the 1950s West German memory culture that may have influenced the subsequent transformation of West German memory culture.

Keywords: 1950s memory culture, forgetting, collective silence, victim memory, sacrificial narrative, collective guilt, collective responsibility, “Group 47”, Ilse Aichinger, Ingeborg Bachmann.

For citation: Myasnikova K. A. Transformation of the postwar West German memory culture in the works of “Group 47” members: from forgetting to working through the past. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 4 (114), pp. 46–56. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-46-56>

Под культурной травмой представители культурсоциологии понимают исторические события или воспоминания о них, которые оставляют «неизгладимые следы в групповом сознании, навсегда отпечатываются в памяти и коренным и необратимым образом изменяют будущую идентичность» [2, с. 6]. Для Германии таким событием, породившим главную национальную культурную травму XX века, стала Вторая мировая война. Эта травма определила немецкую послевоенную культуру памяти, т. е. культуру оценки прошлого через призму настоящего. Немецкий культуролог и исследователь культуры памяти Алейда Ассман в отношении памяти о Второй мировой войне отмечала, что даже сегодня немецкое общество живет в условиях «несвободы последующих поколений от травматического

прошлого и невозможности обходиться с ним по своему усмотрению» [3, с. 13].

Культурная травма «не существует от природы, а создается обществом» [2, с. 8] и, имея социальное происхождение, напрямую от него зависит, со временем трансформируясь, если меняется социум. Восприятие немецким обществом культурной травмы, нанесенной Второй мировой войной, прошло несколько стадий, которые Алейда Ассман соотнесла с этапами развития культуры памяти в ФРГ: 1) с 1945 года до начала 1960-х годов, 2) с середины 1960-х годов до 1985 года и 3) с 1985 года по настоящее время [4]. Современная немецкая культура памяти сложилась в середине 1980-х годов, не претерпев с тех пор принципиальных изменений. Но, тем не менее, важными для ее становле-

ния являются первые два этапа развития: если с середины 1960-х по середину 1980-х годов были заложены основы критического подхода к проработке прошлого, то первый этап развития культуры памяти (1945 – начало 1960-х годов) стал периодом преодоления.

В связи с этим целью данной статьи стало исследование послевоенного этапа культуры памяти ФРГ на примере ее проявлений в художественной литературе в творчестве авторов «Группы 47». Выбор этого литературного объединения неслучаен: авторов «Группы 47» объединяла не столько общность художественных методов, сколько идеологическая близость и желание осмыслить и понять национальное прошлое, что, с одной стороны, шло в разрез с основными тенденциями культуры памяти 1950-х годов, а с другой стороны, являлось толчком для ее дальнейшего развития. Использование культурно-исторического и структурно-функционального методов, метода литературной герменевтики позволило нам выделить в рассматриваемых произведениях авторов «Группы 47» образы военного прошлого, сопоставить их с ключевыми компонентами культуры памяти 1950-х годов и выявить стратегии ее критики, предвосхитившие трансформацию западногерманской культуры памяти, начавшуюся в середине 1960-х годов.

Специфика западногерманской культуры памяти 1950-х годов. Реакция общества на культурную травму Второй мировой войны не была единой, однако большая часть немцев еще не была готова признать травму, «стремясь к материальному и психологическому возрождению» и «вытесняя из сознания реалии нацистского государства, только-только ставшие прошлым» [14, с. 91]. Это определило специфику памятования на данном этапе: западногерманское общество отдавало предпочтение забвению, отражением которого стало «коллективное умолчание»; общество достигло негласной договоренности, что антифашисты не воспользуются известным им компроматом, а бывшие нацисты будут сдержаны в своих общественных притязаниях

[23]. Тем не менее, память о войне не исчезла полностью из общественно-политической коммуникации, а забвение носило *избирательный характер*, что обусловило еще одну характерную особенность культуры памяти 1950-х годов – формирование *специфического жертвенного нарратива* и соответствующей *памяти жертв* (*Opfergedächtnis*), в связи с чем в обществе бытовало «широко распространенное представление о себе, немцах, как жертвах» [15, с. 85]. Таким образом, забвение памяти о войне подразумевало «игнорирование нацистских преступлений» и сопровождалось «самооправданием и безразличием к ненемецким жертвам в первые послевоенные годы» [7, с. 101].

Немецкий историк Йорг Эхтернкамп объяснял возникновение забвения в ФРГ «принудительной стыдливостью, затруднившей рассказ о собственных переживаниях на войне» [15, с. 85]. Психологи Александр и Маргарета Митчерлих рассматривали «молчание» общества, с одной стороны, как неспособность скорбеть, а с другой – как необходимость обезопасить себя от собственных эмоций, т. е. «коллективное молчание», по их мнению, являлось способом вытеснения из сознания посттравматической памяти о войне. Иной точки зрения придерживался Герман Люббе, считавший, что умолчание было даже выгодно обществу. Он делил западногерманское общество 1950-х годов на две группы – тех, кто был замешан в преступлениях нацистского времени, и «бездны нацистов», к которым он относил оппортунистов и поддерживавших режим под влиянием пропаганды [5]. По мнению Люббе, обеим группам после окончания войны требовалось пережить период молчания: первые могли извлечь выгоду, скрыв следы преступлений прошлого, в то время как в отношении вторых Люббе говорил о «преобразующей», «продуктивной силе умолчания» [23]. Подобное забвение Алейда Ассман называет положительным и конструктивным, оно помогает преодолеть страдания и травмы, стимулирует «художественную и интеллек-

туальную активность» и становится основой для изменений идентичности, «способствуя ускоренной политической и социальной интеграции» [4, с. 52–54]. Но в то же время «коллективное умолчание», характерное для западногерманского общества 1950-х годов, можно трактовать, по классификации Ассман, как негативное, охранительное (совиновное) забвение. Например, высокопоставленные нацисты после окончания войны меняли имена в попытке скрыть следы преступлений и избежать возмездия: пока они находились у власти, то были под ее защитой, но со сменой режима были вынуждены «сделать ставку на забвение», чтобы «уклониться от судебного преследования и ответственности» [4, с. 48].

Амбивалентный характер забвения 1950-х годов можно заметить в исторической науке, которая не рассматривала период национал-социализма в качестве серьезного объекта для исследования. «Эпоха якобы была еще слишком близка, чтобы можно было прийти к какому-то уверенному суждению о причинах и следствиях произошедшего» [12, с. 32]. Более того, одной из главных тенденций в западногерманской историографии стало развитие идеи об отсутствии преемственности между Веймарской республикой и Третьим рейхом: нацизм рассматривался как отклонение от «правильной» траектории исторического развития, а приход Гитлера к власти – как «случайный эксцесс немецкой истории» [7, с. 101]. Распространение подобной точки зрения подкрепляло сформировавшееся после окончания войны представление о немцах как главных жертвах войны. Причем понимание жертвы настолько трансформировалось в послевоенной ФРГ, что стало применимо практически ко всем слоям общества: помимо реальных жертв нацистского режима появились «жертвы судьбы» (гражданское население), жертвы «диффамации» со стороны держав-союзниц (участники боевых действий) и т. д.

Йорг Эхтернкамп отмечал, что военное и послевоенное время образовали для общества 1950-х годов «единый временной отрезок, полный лишений и страданий»

[15, с. 85], что усугубляло позицию «немцы ни о чьих страданиях, кроме своих, не хотели слышать» [10, с. 20]. Она распространялась в сфере науки и образования и подкреплялась появлявшимися произведениями искусства, принимавшими апологетический тон. Например, в учебниках 1950-х годов «не упоминали о преступлениях нацизма, а информация о военных кампаниях не сопровождалась фактами о преступлениях вермахта» [7, с. 102], при этом находила подтверждение «перспектива жертвы»: пристальное внимание уделялось немецким беженцам и немцам, изгнанным из Восточной Европы. Подобная «память жертв» нашла отражение в мемуарах, беллетристике, художественной литературе и кинематографе (романы «Опросный лист» Эрнста фон Саломона, «Сталинградский врач» Хайнца Конзалика, «Операция Барбаросса» Пауля Карелла, «Это началось на Висле» и «Конец на Эльбе» Юргена Торвальда; фильм «Ночь над Готенхафеном» Франка Висбара и др.).

Критика культуры памяти 1950-х годов в произведениях участниц «Группы 47» Ильзе Айхингер и Ингеборг Бахман. Как отмечает Ю. Шеррер, идея проработки прошлого (*Vergangenheitsverarbeitung*) возникла «из осознания ответственности за преемственность и разрывы в культуре и обществе» [14, с. 91], поэтому этап забвения 1950-х годов был необходим для дальнейшей проработки травмы Второй мировой войны. Хотя забвение являлось преобладающей тенденцией западногерманской культуры памяти 1950-х годов, в обществе оставались те, кто отдавал предпочтение сохранению памяти о войне и подвергал национальное прошлое критическому осмыслению. Переход к новой фазе немецкой культуры памяти наступил в середине 1960-х годов и был вызван, в том числе, приходом «поколения 1968-го года», настроенного на критическое обсуждение истории и проработку прошлого, но подготовка к этому этапу развития культуры памяти началась уже в 1950-е годы, несмотря на общее забвение памяти.

Весомый вклад в трансформацию культуры памяти в 1950-е годы внесли авторы литературной «Группы 47», творческого объединения, собравшего основных авторов послевоенных ФРГ, Австрии и Швейцарии. Главными задачами объединения являлось обновление литературы и выработка нового языка и художественных средств для проработки травматического опыта прошлого. Формально встречи объединения проходили с 1947 по 1977 год, но расцвет «Группы 47» и пик ее влияния на общественное сознание, в частности, культуру памяти, пришелся на 1950-е – начало 1960-х годов. Начавшийся с середины 1960-х годов распад объединения, по мнению Е. С. Москалевой, был напрямую связан со сменой поколений, в результате которой «выявились расхождение идеологических и политических позиций членов объединения» [8, с. 309]. Но в 1950-е годы это расхождение еще не было так заметно, а участников «Группы 47» объединяла потребность преодоления замалчивания и отказа от воспоминаний о прошлом – основных тенденций сложившейся после войны культуры памяти.

Критика культуры памяти 1950-х годов заметна в творчестве многих авторов «Группы 47», но произведения Ильзе Айхингер и Ингеборг Бахман представляют, с точки зрения развития культуры памяти, особый интерес. С одной стороны, их взгляды на память и памятование соотносятся с общим вектором развития «Группы 47», с другой – представляют иную перспективу на память о прошлом. Необходимо принять во внимание, во-первых, гендерные различия: возникновение «Группы 47» связано с американским лагерем для немецких военнопленных в Форт Гетти, и большая часть мужчин-участников объединения, особенно в первые годы его существования, имела опыт военных действий, являлась членами вермахта или Гитлерюгенда. Айхингер и Бахман пережили войну с другой стороны – в оккупированной нацистами Австрии. Во-вторых, отметим национальные различия: основные литературные достиже-

ние писательниц связаны с ФРГ и «Группой 47», но родная Австрия всегда оставалась для них в центре внимания: у Айхингер важным художественным пространством была Вена, а Бахман часто размышляла об австрийской культуре памяти, которая во многом была схожа с западногерманской. В творчестве обеих писательниц можно выделить несколько особенностей, отражающих критику культур памяти ФРГ и Австрии 1950-х годов и их последующую трансформацию:

- *огласка вместо коллективного умолчания;*
- *опасность забвения из-за угрозы повторения прошлого;*
- *вопрос вины и ответственности за национальное прошлое;*
- *возвращение понятию «жертва» первоначального значения.*

Огласка вместо коллективного молчания. Творчество участников «Группы 47», в частности Ильзе Айхингер и Ингеборг Бахман, стало оппозицией основным тенденциям западногерманской культуры памяти 1950-х годов. Если главной стратегией послевоенной *Erinnerungskultur* было забвение, которое проявлялось в форме «коллективного умолчания», то в творчестве Айхингер и Бахман прошлое – наоборот – предается огласке, получая отражение в историческом повествовании (роман «Великая надежда» и рассказ «Четвертые врата» И. Айхингер, рассказ «Jugend in einer österreichischen Stadt» И. Бахман), в воспоминаниях (рассказ «Kleist, Moos, Fasane» И. Айхингер) и в демонстрации послевоенных «руин» (радиопьесы «Цикады» И. Бахман и «Пуговицы» И. Айхингер, рассказ «Unter Mörfern und Irren» И. Бахман).

Опасность забвения из-за угрозы повторения прошлого. По типологии Ассман забвение может выступать не только залогом будущего, позволяющим обществу найти почву для новых начинаний, инноваций и преобразований, или фильтром, отсеивающим лишнюю информацию, которая не может сохраниться в памяти, например, из-за ее ограничений по объему, но и «оружием», скры-

вающим преступления прошлого. Ассман обозначила такое забвение как негативное, и именно к нему апеллируют в своих произведениях Ингеборг Бахман и Ильзе Айхингер, когда обращают внимание на опасность забвения для будущего ФРГ и Австрии и их демократического строя.

Например, в радиопьесе «Пуговицы» (*Knöpfe*, 1953) Ильзе Айхингер через образы фабрики по сортировке декоративных пуговиц и ее работниц критикует как капитализм и связанную с ним опасность «овеществления» людей и утраты ими своей идентичности, так и нацизм, и послевоенное общество 1950-х годов, подавлявшее память о недавнем прошлом [21, с. 320]. Центральным мотивом радиопьесы становится превращение работниц фабрики в пуговицы, которое имплицитно транслирует память о Холокосте: между фабричным производством пуговиц и эксплуатацией узников концлагерей в военные годы можно провести однозначную параллель. В годы войны заключенные концлагерей использовались как рабочая сила для принудительного труда, что обеспечивало, с одной стороны, финансовую прибыль, с другой – уничтожение трудом. Ассоциации с лагерями смерти возникают в описании расположения фабрики – рядом с железнодорожными путями, ставшими символом депортаций в произведениях массовой культуры, посвящённых Холокосту. Шум, сопровождающий работу женщин на фабрике, героини радиопьесы сравнивают с «электрическими печами» [16, с. 18], а в тексте радиопьесы Айхингер делает акцент на ощущении страха, который овладевает работницами фабрики, когда они слышат этот шум, который, как выясняется впоследствии, сопровождает их превращение в пуговицы. По мнению М. Герлоф, это отсылает к психологическому состоянию узников концлагерей, и через данные образы и мотивы «память о Холокосте врывается в повседневную жизнь послевоенного общества» [21, с. 328, 331].

Еще один яркий пример опасности забвения для настоящего и будущего и критики

существовавшей на тот момент культуры памяти представлен в рассказе Ингеборг Бахман «*Unter Mörder und Irren*», посвященном австрийской действительности 1950-х годов. Хотя основным пространством в рассказе становится послевоенная Вена, его действие легко можно было бы перенести на западногерманские реалии того же периода: рассказ «*Unter Mörder und Irren*» стал художественным отражением опасений Бахман, считавшей, что обществу – как в Австрии, так и в ФРГ – обязательно требовалась *Trauerarbeit*, т. е. «работа с горем», проработка культурной травмы, которую нанесла Вторая мировая война [22, р. 185]. По мнению Бахман, *Trauerarbeit* дает возможность не только преодоления травмы, но и последующего обновления во всех сферах жизни, однако господствующее в обществе забвение помешало этим процессам; именно такое общество представлено писательницей в рассказе «*Unter Mörder und Irren*» [20, р. 46]. Повествование выстраивается вокруг четырех героев, судьбы которых иллюстрируют политическую и культурную преемственность, связывающую Австрию военного и послевоенного времени. Все главные герои – писатель Хадерер, издатель Хуттер, историк Раницки и журналист Бертони – были тесно связаны с нацистским режимом в годы войны, а после войны оказались важной частью демократического общества, которая несла ответственность за восстановление страны [18].

На первый взгляд кажется, что речь идет о позитивном забвении по классификации забвения Ассман, которое, частично стирая воспоминания о прошлом, в том числе о прежней национальной идентичности, позволяет обществу двигаться дальше «с чистого листа», обновляясь [4, с. 44]. Но раскрывая характеры героев, Бахман демонстрирует, что их мировоззрение после войны не изменилось: Хадерер и Хуттер вспоминают о своем военном прошлом как о собственном героизме, а Бертони и Раницки, пусть и не высказывают открыто тоски по прежнему режиму, к новой Австрии от-

носятся по-конформистски [18; 20, р. 48–49]. Такую функцию забвения Ассман назвала совиновной или охранительной – подобное негативное забвение позволяет преступникам скрыть преступления и избавиться от ответственности за них. Между государством и его гражданами вне зависимости от их прошлого установился своеобразный консенсус, позволявший найти тонкий баланс между противоположными проявлениями забвения. Как показал исторический опыт, послевоенное восстановление – как Австрии, так и ФРГ – было невозможно без привлечения бывших сторонников нацистского режима, что в свою очередь требовало забвения, хотя бы времененного. Однако Бахман отвергает идею о том, что забвение может нести пользу обществу, обращаясь именно к негативному забвению памяти преступников: латентные агрессия и «авторитарно-фашистские черты» главных героев рассказа – не что иное, как конформность послевоенного общества, которое в любой момент могло снова обратиться к открытой агрессии и насилию [19, с. 106].

Вопрос вины и ответственности за свое прошлое. Критическое осмысление прошлого возобновило общественную дискуссию о вине немецкого народа, начавшуюся сразу после окончания войны по инициативе властей американской зоны оккупации. Дискуссия реактуализировалась уже в 1960-е годы, заметно ослабев в 1950-е годы, но даже в это десятилетие в творчестве многих авторов «Группы 47» ставятся вопросы вины и ответственности как отдельной личности, так и всей нации за свое прошлое.

В качестве примера можно обратиться к радиопьесе Ингеборг Бахман «Цикады» (*Die Zikaden*, 1955). Развитие радиовещания открыло авторам новые технические и художественные возможности, что сделало мотив эскапизма одним из характерных для немецкоязычной радиодраматургии 1950-х годов. Этот мотив лег в основу «Цикад», однако писательница придала ему нетрадиционную трактовку: осознание бессмыслинности бегства от действительности, привлекательного

в первые послевоенные годы, когда страна превратилась в «руины», привело Бахман к его критике.

Мотив эскапизма характерен для всех ее радиопьес, но, вероятно, создание литературно-драматургической утопии для писательницы – попытка пережить детскую травму. Сама Бахман не раз вспоминала, как нацисты входили в ее родной Клагенфурт, какое впечатление это произвело на нее [22, р. 185]. Однако утопия райского острова в Средиземном море, на котором оказываются герой «Цикад», иллюзорна: остров становится царством забвения, где изоляция и бегство в собственные нарциссические мечты превращают героев в одиноких цикад. Но если у Платона, к диалогам которого восходит мотив превращения человека в цикаду, эта метаморфоза является даром муз, в «Цикадах» она лишает людей памяти и идентичности, на что обращает внимание Робинзон, один из главных героев радиопьесы: «У меня нет истории. Нет вины, отягощающей совесть, нет несчастья, неотступно следующего за мной, нет ничего, в чем пришлось бы каяться. Никто не расплачивается за то, что я здесь» [11, с. 69].

Вопрос личной ответственности, «...выбора между тем, чтобы дать себя усыпить, и тем, чтобы дать себя предупредить», становится ключевым в радиопьесе, чем Коэн Ванхэгендорен объясняет ее название: именно через образ цикады и аудиальные возможности жанра радиопьесы Бахман поднимает вопрос вины и ответственности и делает возможным художественную презентацию травмы [24, р. 147]. «Цикады» считаются самой музыкально структурированной радиопьесой Бахман, в которой музыкальные фрагменты не просто играют роль фоновых декораций, что было типично для немецких радиопьес 1950-х годов, но и становятся важным композиционным и сюжетным элементом. Такой эффект был достигнут благодаря сотрудничеству Бахман с немецким композитором Гансом Вернером Хенце. В середине 1950-х годов Хенце, как и многие деятели культуры, уехал из Герма-

нии: с окончанием войны наследие нацизма в ФРГ не исчезло, что вынуждало многих покидать страну, но со временем «бегство» превращалось в изоляцию от общества. Бахман и Хенце, понявшие опасность эскапизма в жизни, в «Цикадах» перенесли это ощущение на сюжетную канву радиопьесы: бегство от мира, прошлого, вины, ответственности, травмы возможно только в условиях абсолютной изоляции и «превращении» в «цикаду». И островитяне не могут убежать от травмы прошлого и ответственности за него и потому «потеряны в своей тоске», «заколдованы, но обречены на проклятие» [22, р. 196].

Возвращение понятия «жертва» настоящим жертвам войны. Одной из характерных черт западногерманской культуры памяти 1950-х годов и следствием избирательного забвения стала трансформация понятия «жертва»: сложившийся после войны жертвенный нарратив приписывал понятие «жертва» самим немцам, «отбирая» его у жертв немецкого происхождения. Однако в творчестве авторов «Группы 47», где стали возникать образы евреев, узников концлагерей, жертв Холокоста, понятию «жертва» постепенно возвращалось его первоначальное значение, что можно заметить, например, в произведениях Ильзе Айхингер – романе «Великая надежда» (*Die größere Hoffnung*, 1948), рассказе «Четвертые врата» (*Das vierte Tor*, 1948), радиопьесе «Пуговицы» (*Knöpfe*, 1953).

Роман «Великая надежда» был нетипичным явлением в послевоенной немецкоязычной литературе: в романе затрагивалась тема Холокоста и судьбы еврейского народа в годы войны, хотя само слово «концлагерь» в нем ни разу не упомянуто, как и имена преступников и высших чинов Третьего рейха. В романе важна не только едва ли не впервые в немецкоязычной литературе поднятая тематика, но и представленный в романе образ жертвы – ребенка-полукровки с еврейскими корнями, пытающейся скрыться от преследований в оккупированной Вене.

Точный возраст главной героини Эллен в романе не указан, но из контекста легко по-

нять, что перед читателем – ребенок. Косвенно это подтверждается биографией писательницы, поскольку в основе «Великой надежды» лежат воспоминания о детских годах, проведенных ею в Вене военного времени: «Система тотальной слежки и депортации, страх шагов на лестнице и звонка в дверь – всё зафиксировано детскими глазами» [13]. Детский взгляд на войну и оккупацию позволяет представить вопрос вины через перспективу невинного человека, каким является ребенок в художественном мире романа, поскольку дети осознают, что несут чужую «вину», но не понимают причин происходящего: «Родители наших родителей ставятся нам в вину. Мы виноваты, что мы здесь, виноваты, что каждую ночь расстаем. Простите нам эту вину» [1, с. 57]. Воспринимая войну глазами ребенка, читатель видит ее изнутри и осознает простую правду, которую «наивно» произносят дети: жертвами этой войны становятся по праву крови, лишь из-за происхождения.

Аналогичный прием использован в рассказе «Четвертые врата», традиционно публикуемом вместе с «Великой надеждой»: в центре повествования снова дети «неарийского происхождения», которые едут на трамвае в сторону «четвертых ворот», ведущих к еврейскому кладбищу. Особое внимание обращает на себя описание города, в котором в единый ассоциативный ряд поставлены «еврейское кладбище» (*auf dem jüdischen Friedhof*) и «тоска эмигрантов по дому» (*das Heimweh der Emigranten in Schanghai, Chicago und Sydney*), «последняя надежда переселенных» (*die letzte Hoffnung der Verschleppten*), «последний вздох убитых» (*der letzte Seufzer der Getöteten*), что акцентирует представленный образ жертвы еврейского происхождения [17, с. 273]. Понятие «жертва» Айхингер использует в романе и рассказе буквально: речь не о самовосприятии немцами себя в качестве жертв, что характерно для культуры памяти 1950-х годов, а об объективной реальности, в которой евреи стали жертвами нацистского режима.

Если «Великая надежда» и «Четвертые врата» говорили с читателем о войне, концла-

герях, Холокосте и жертвах среди евреев открыто, в радиопьесе «Пуговицы» Айхингер обращается к проблеме жертвы войны метафорически, используя символику, мотивы и аллюзии. Как уже упоминалось выше, в самой фабрике угадывается аллюзия на концлагерь: шум на фабрике, напоминающий треск огня, ассоциируется с газовыми камерами, а сам процесс превращения девушки в пуговицы напоминает уничтожение жертв лагерей [16]. Стоит отметить, что в романе и рассказе акцент был сделан на возрасте и происхождении жертвы, в то время как в радиопьесе значимым становится гендерный аспект. В радиопьесе мы наблюдаем «естественное» для нацистского режима распределение ролей, в котором мужчины олицетворяют власть, финансовую мощь и социальную защищенность; в такой же роли в отношении работниц выступают мужские персонажи [21, с. 335].

Как отмечал отечественный филолог и исследователь «Группы 47» Е. А. Зачевский, после войны «буржуазные демократы», политики и публицисты, составившие впоследствии ядро литературного объединения, «эмигрировали в литературу», видя в ней возможность влияния и воздействия на общественное сознание. Тем самым творчество авторов «Группы 47» стало «оппозицией политике реставрации, ремилитаризации и реваншизма», характерным для послевоенной ФРГ [6, с. 82, 90]. Пока в обществе царило забвение и умолчание, участники «Группы 47» стремились «отразить социально-политическую проблематику времени» и «напомнить об опасности возрождения фашизма и милитаризма в стране» [6, с. 79–80].

На примере творчества двух авторов объединения – австрийских писательниц Ильзе Айхингер и Ингеборг Бахман, ставших в 1950-е годы одними из ведущих участников «Группы 47», мы проследили трансформации, которые начала претерпевать послевоенная западногерманская культура памяти. Обе писательницы, понимая травматичность Второй мировой войны как для отдельного человека (из личного опыта), так и для всей нации,

отвергали забвение как здоровую реакцию на культурную травму прошлого. Айхингер и Бахман обладали индивидуальным подходом к вопросу памяти и собственными средствами проработки травмы, однако для обеих понимание травматического опытаказалось невозможным без его «озвучивания» – в вербальной или аудиальной форме.

В творчестве Айхингер и Бахман критике и переосмыслению подвергаются все ключевые компоненты культуры памяти 1950-х годов. Вместо забвения и умолчания прошлое предается огласке. В некоторых произведениях это происходит более метафорично, но даже в них легко угадываются аллюзии на военное прошлое. Более того, писательницы не просто обозначают культурную травму прошлого и стараются говорить о ней настолько открыто, насколько позволяют в первую очередь возможности языка, но и пытаются объяснить, почему забвение, доминировавшее в 1950-е годы, опасно и потенциально губительно для немецкого и австрийского будущего. Значительной трансформации подвергается представление о жертве: в публичном пространстве продолжало бытовать мнение о немцах как жертвах войны (по сути, этот вид памяти схож с тем, что Алейда Ассман называла «памятью преступников»). Но Айхингер и Бахман, чувствуя амбивалентность понятия «жертва», в своем творчестве обращают внимание на тех, к кому оно применимо без кавычек, – на евреев, детей, женщин и других жертв лагерей и нацистского режима.

Критическое отношение к прошлому и к сложившейся после войны культуре памяти было тем звеном, которое объединяло авторов, участвовавших в собраниях «Группы 47». Можно сказать, что творчество авторов этого литературного объединения стало своего рода маркером трансформации культуры памяти ФРГ и одновременно и предвосхитило, и обозначило переход к новой фазе *Erinnerungskultur* в западногерманской культуре на рубеже 1950–1960-х годов. Однако мы отмечали, что в связи с гендерным

и национальным вопросами творчество Ильзе Айхингер и Ингеборг Бахман стоит особняком от произведений многих авторов «Группы 47», в связи с чем вопрос о других

стратегиях репрезентации и критики культуры памяти в творчестве авторов этого литературного объединения требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Айхингер И. Великая надежда / перевод с немецкого Е. Баевской. Москва: Издательство АСТ, 2022. 320 с.
2. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность. Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-travma-i-kollektivnaya-identichnost>
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / перевод с немецкого Б. Хлебникова. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
4. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / перевод с немецкого Б. Хлебникова. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
5. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / перевод с немецкого Б. Хлебникова. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
6. Зачевский Е. А. «Группа 47» и история послевоенной немецкой литературы. В 2-х томах. Т. 1. Санкт-Петербург: Крига, 2020. 768 с.
7. Кауганов Е. Л. Дебаты о коллективной вине в Западной Германии (1945–1950-е годы) // Обсерватория культуры. 2015. № 1. С. 99–103.
8. Маскалева Е. С. Становление «Литературы развалин»: объединение «Группа 47». Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. 2014. № 1 (191). С. 307–310. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-literatury-razvalin-obedinenie-gruppa-47>
9. Мысливец Н. Л., Романов О. А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции. Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 1. С. 9–19. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-opyt-sotsiologicheskoy-rekonstruktsii>
10. Новикова М. В. Проблема национальной травмы в коллективной памяти немцев объединенной Германии. Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 2. С. 117–126. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-natsionalnoy-travmy-v-kollektivnoy-pamyati-nemtsev-obedinennoy-germanii>
11. Ночной разговор с палачом: Радиопьесы Австрии, Германии, Швейцарии / Сост. И. М. Чернова; Предисл. И. М. Черновой. Москва: Искусство, 1991. 224 с.
12. Фолльнхальс К. Критический анализ национал-социализма в современной (западно)германской истории и германском обществе после 1945 года // Отношение к прошлому. Осмысление Германией двух ее диктатур. Москва: Политическая энциклопедия, 2018. С. 31–44.
13. Фомичева О. Ильзе Айхингер. Великая надежда. Волга. 2000. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2000/4/ilze-ajhinger-velikaya-nadezhda.html>
14. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et Contra. 2009. Том 13. № 3–4 (46). С. 89–108.
15. Эхтернкамп Й. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии. Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 83–87. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/nemetskaya-katastrofa-o-publichnoj-pamyati-o-vtoroj-mirovoj-vojne-v-germanii.html>

16. *Aichinger I.* Auckland: Vier Hörspiele. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2012. 332 p.
17. *Aichinger I.* Die Größere Hoffnung. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1995. 288 p.
18. *Bachmann I.* Das dreißigste Jahr: Erzählungen. München: Piper Verlag, 2005. 192 p.
19. *Bartsch K.* Ingeborg Bachmann. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler Verlag, 1997. 208 p.
20. *Decker C.* «Wenn je etwas gut und ganz werden soll»: Bachmann's «Unter Mördern und Irren» and the Political Culture of the «Stammtisch» // Modern Austrian Literature. 1996. Pp. 43–56.
21. *Gerlof M.* Tonspuren, Erinnerungen an den Holocaust im Hörspiel der DDR. Berlin, New York: De Gruyter, 2010. 396 p.
22. *Jeffery L.* Collective Responsibility in Ingeborg Bachmann and Hans Werner Henze's Radio Drama The Cicadas // Radio Art and Music: Culture, Aesthetics, Politics. Minneapolis: Lexington Books, 2020. Pp. 185–205.
23. *Lübbe H.* Vom Parteigenossen zum Bundesbürger. Über beschwiegene und historisierte Vergangenheiten. München: Wilhelm Fink Verlag, 2007. 143 p.
24. *Vanhaegendoren K.* Die Zikadenmetapher in Ingeborg Bachmanns Die Zikaden: Lebensflucht und Lebensmut // Seminar: A Journal of Germanic Studies. University of Toronto Press, 2006. Vol. 42. № . 2. Pp. 135–154.

*

Поступила в редакцию 07.08.2023